

Вет. клуб. 1994 - 5 минут - 47

Леонид Филатов: актеру иногда вредно быть умным

Во время своей болезни Леонид Филатов не прекращал заниматься телециклом "Чтобы помнили", который многие называют делом его жизни. Сегодня Филатов ждет очередной операции и пока продолжает зависеть от переливания крови, которое ему надо делать через день. Это ограничивает его передвижения и не позволяет лично монтировать программу; все остальное — отбор материала, интервью с участниками, запись текста — он продолжает делать сам, вместе с неизменно верной ему командой.

Недавно законченная пьеса "Любовь к трем апельсинам" — гомерически смешная сказка в стихах, написанная в самые тяжелые дни, — готовится к постановке.

В последние два года Филатов оказался, кажется, лауреатом всего, что только может предложить артисту современная Россия: он стал народным артистом, получил Государственную премию и "Триумф", удостоился "Тэффи". Его пятидесятилетие в Содружестве актеров Таганки собрало всех подлинно лучших, от Михалкова до Адабашьяна. Лавры никоим образом Филатова не изменили — он по-прежнему говорит то, что думает, и ни в каком конформизме не замечен. Ни курить, ни острить, ни писать не бросил.

— Леня, чем вы сами объясняете такой водопад призов? Лично я думаю, что дело тут не только в болезни и в мужестве, с которым вы ее переносили, в упрямстве, с которым делали программу... Что-то такое вы умудрились за эти годы продемонстрировать важное, что я сам затрудняюсь определить.

— Я уже говорил, когда благодарил за "Триумф", что мне видится тут некоторый перебор — примерно такой же, какой наблюдался в свое время после "Экипажа", когда меня — надеюсь, что иронически — назвали секс-символом. Лучшее всего про это сказал Жванецкий: "Худой, злой, больной — но какова страна, таков и секс-символ". Я даже на пляже комплексовал раздеваться, а тут оказался в роли абсолютного супермена, в откровенной сцене, правда, сквозь рыбку — там был аквариум... Нечто подобное я чувствую и сейчас, и "Триумф" для меня почетен главным образом тем, что люди, перед которыми я преклонялся, чьи книги в буквальном смысле зачитывал в ашхабадской библиотеке, приняли меня в свой круг. Чем я заслужил такую честь — судить не мне, я и сейчас считаю ее незаслуженной. Единственное, что я надеялся в эти годы доказать: можно быть в оппозиции к власти и не соглашаться с духом времени, не смыкаясь при этом с коммунистами. Сейчас, по-моему, уже ясно, что можно быть несогласным некоммунистом. Я могу сослаться на пример высоко чтимого мною писателя Лимонова...
- Вы продолжаете дружить с Губенко?

— Разумеется. Политические убеждения моих друзей — последнее, что меня интересует. Что касается меня самого, в конце восьмидесятых я все чаще чувствовал раздражение. Я злился. Потом мне это надоело. Я понял, что злость неплодотворна. Надо работать. Сегодняшняя жизнь меня не столько раздражает, сколько печалит. Во всем, что у нас здесь произошло, есть свои плюсы: произошло расширение мира, появились новые возможности, вообще стало интереснее, стало виднее, кто чего стоит... Но это не значит, что меня устраивает власть, что я приветствую ситуацию, при которой большинство просто не помнит, кто такие Шукшин и Трифонов... "Чтобы помнили" — не только название программы, но и ее смысл, ее задача: мне было жаль, что огромный пласт культуры исчезает, будто его и не было. Судьба российского актера особенно трагична — он становится любимцем страны на очень короткое время и после этого никого не интересует.
— Мне показалось, что причиной гибели почти всех ваших героев был алкоголь...

— Нет, почему же? Богатырев, блестящий актер и невероятно одинокий человек, погиб от гипертонического криза да еще "Скорая" что-то не вколола... Шпаликов и Гулая погибли не потому, что пили, а потому, что время их задушило: они привыкли к другому воздуху, а в семидесятые задохнулись... Мой однокурсник Кайдановский тоже погиб совсем не от того, что пил, — у него была подспудная установка на саморазрушение...
— Вы дружили?

— Дружили. Хотя это была трудная дружба, и человек он был трудный, но я восхищался им, глядел снизу вверх. Кайдановский был человек невероятный — он мог виртуозно материться, болтать на бандитском жаргоне, а мог всю ночь говорить с тобой о литературе, о вещах, которых злестер не знал ни один специалист... В его бесстрашии было что-то необъяснимое: он дружил, на четвертом курсе Шукшинского, мы вчетвером — он, Галкин, Качан и я — возвращались ночью через Марью рошу. Неподалеку от Рижской к нам приста-

ли шестеро, у них были ножи... В принципе вчетвером мы могли бы отмахаться, но против ножей — не знаю, как бы все вышло. Кайдановский подошел к тому, кто первым вынул нож, и голый рукой взялся за лезвие. Просто взялся. Кровь хлещет, а он держит. И что-то такое было в его лице, что они спасовали. Незадолго до смерти он зашел ко мне в палату — сам лежал в той же больнице, в другом отделении — и с вечным своим вызовом, с этойкой беспечностью сказал, что на курсе уже было несколько смертей и мы с ним скорее всего следующие. Он запросто говорил такие вещи и как будто не боялся смерти. Суди сам, легко ли было с ним общаться.

— К вопросу об "отмахаться": я знаю, что хорошо дерется Галкин, у него часто бывали такие роли, но у вас-то откуда этот навык?
— Что значит откуда? Из Ашхабада. Туда на зиму съезжало ворье со всего Союза, они любили тепло. Надо было учиться этому базару, их интонациям, надо было драться — тихий книжный мальчик там просто не выжил бы. Я потом пытался все это сыграть в "Грачах", но так убедительно у меня все равно не получается. Змеиный такой шип: "Шо ты тянешь?"

— И все-таки: чем так уж трагична судьба актера? Почему пьющий водопроводчик — это дурно, а пьющий актер — нормально и почти героично? Вы, насколько я знаю, не так уж керосинили в свое время...
— Во-первых, я пил сильно. Во-вторых, я и сам не смогу четко, по пунктам, объяснить, почему актерская профессия автоматически предполагает выпивку. Здесь дело и в банальных, вечных отмечаемых причинах — трагедия, необходимость подзахода, ты ведь обязан заводить зал... И поклонники, желающие выпить с актером... Но главное, мне кажется, — это чисто российская причина: жуткий контраст между экранным, сценическим и повседневным бытием артиста. Здесь делалось все, чтобы унижить его, когда он не на сцене или не на съемках. Чтобы играть, нужен темперамент — мне не приходилось видеть среди серьезных актеров ни одного уравновешенного человека, ни одной амёбы. А человеку с темпераментом такой контраст невыносим. Особенно когда проходит твоё время, ты выходишь из ампулы и никто не рвется предлагать тебе новые роли. Тебя терпят, пока ты подражаешь самому себе, но потом... Кумир превращается в нищего одиночку — эта трагедия и заливается водкой.

— А где стержень личности, где способность удержаться, где, наконец, реализация в чем-то другом?

— Настоящий актер может реализовываться только в одном. Я даже странную вещь скажу — ему необязательно, иногда вредно быть умным. Ведь он подменяет свою личность, отдает ее то одному, то другому, своя ему только мешает иногда. Не всегда, подчеркиваю. Но идеальный актер постепенно столь многих людей губит в свою оболочку, что собственная его природа — со всеми тормозами, стержнем, способностью нормально существовать — изживается, исчезает. Образуется жуткая пустота, и с ней страшно жить. Счастье для артиста, если он может заниматься еще чем-то, режиссурой, например...
— Что сейчас происходит с вашей второй режиссерской картиной — "Свобода или смерть"?

— Я этой картиной недоволен, хотя сценарий и идея одно время нравились мне. Там свобода оборачивается для пишущего человека мажорными неожиданными поворотами, террористам, с которыми он никогда не оказался бы в одних рядах в обычной

жизни... Были забавные придумки, но я взял слишком комический тон, почти гайдаевский. Я заболел, не закончил картину, и это, может быть, к лучшему. Может быть, со временем я ее перемонтирую и как-то изменю интонацию, потому что история на самом деле печальная и многим знакомая.
— Как вы избавляетесь от чувства, которое и погубило вашего героя, — от ощущения своей ненужности?

— Это ощущение всех нас здесь посещает, но я думаю, что мы с своей нужности или ненужности знать не можем. Востребованность — вещь относительная, мы судим о ней по числу отзывов и предложений, по количеству интервью, по тусовке, все это ни в какой степени не критерий. Страшное количество пены. Я знаю, что все мы здесь не просто так. Если я выжил, значит, я должен продолжать свое дело — говорить о незаслуженно забытых, лучших людях моей профессии, напоминать о чем-то... Что-то, может быть, еще написать... Вот то, что я выжил, хотя много раз побывал в реанимации и даже перестал бояться этого слова, и есть для меня показатель востребованности. Пока мы живы, мы нужны.

— Кто вам нравится из современных театральных актеров?

— Замечательное поколение Машкова и Миронова. Абсолютная тайна для меня Маковецкий: на съемках "Сукиных детей" я как-то его не пропустил. Говорит себе под нос, опускает глаза... Но в кадре от него оторваться невозможно! Киногенность врожденная, необъяснимая. И в театре хорошо работает. Из людей моего поколения меня восхищает Костя Райкин с его потрясающей изобретательностью и энергетикой. Вообще кого-кого, а хороших артистов и хороших писателей в России всегда будет больше, чем хороших всех остальных.

— Интересно, а Горбачеву вы продолжаете симпатизировать?

— Когда-нибудь ему еще поставят в Москве золотой памятник.
— После ваших кинолент у вас была репутация непобедимого ухахера. Насколько это соответствует действительности?

— В моей жизни был один роман, сложный, красивый, поначалу мучительный, продолжающийся и по сей день. Это роман с женой, Ниной Шацкой, которая ушла ко мне от первого мужа. Мы с ней долго противились себе, год вообще пытались не видеться, но в конечном итоге это оказалось сильнее нас, и мы стали жить вместе, хотя чего нам это стоило — разговор отдельный.

— Конфликт с сыном у вас не было?

— Денис был уже довольно взрослым парнем, ему было десять, он слушался меня не всегда и не во всем, но здесь я не позволял себе никаких компромиссов. Если я не разговаривал с ним два дня, первый шаг к примирению все равно делал он, и то я не сразу "процдал"... Я довольно жестко заставлял его подтягиваться и отжиматься нужное число раз, он прочел у меня всю русскую классику, включая писателей второго ряда и нелюбимых мною литераторов вроде Горького. Все это потому, что он действительно замечательный мужик, я очень сильно любил и люблю его, а потому любые скидки только испортили бы дело. Он и сейчас не соглашается со мной, и ради Бога — я только не люблю, когда он спорит же не от своего имени, а как бы от имени церкви, подпитывается ее авторитетом. Он священник, но это не приближает его к абсолютной истине: для общения с Богом посредники не обязательны. А в принципе он честный, умный и упрямый — настоящий. Хотя главное его достижение, на мой взгляд, — рождение дочери.

Встречается
Дмитрий БЫКОВ.